

Дикие кабаны

Дикие кабаны — своего рода «живые ископаемые». Археологи установили, что эти животные обитали на земле в древнейшие времена. Постепенно изменялся лик земли. В связи с этим гибли многие виды животных, а вот кабаны умудрялись приспособливаться ко всем невзгодам новых геологических эпох и, таким образом, дожили до наших дней.

Это очень сильные, стремительные животные. Проживают небольшими стадами, которые состоят из дедушек, бабушек, пап, мам и, конечно, их детворы. Добывают корм кабаны обычно в ночное время, однако там, где животных не беспокоят, они кормятся и днем. Именно в это время суток мне довелось увидеть довольно большой гурт в лесах, расположенных в верхнем течении Кумы. Получилось это так.

Я ночевал на кордоне у одинокого лесника Ильи Петровича. Очутившись в новой обстановке, спал плохо. Часто выходил из комнаты, вглядываясь в темноту, прислушивался к лесным звукам.

На другой день, после завтрака, мы с Ильей Петровичем отправились в глубину леса поглядеть на тиссы. Это для наших лесов редкие деревья. Примечательны они тем, что очень медленно растут и обладают крепкой древесиной. Мы долго пробирались по лесной глухомани. Тишину не нарушал ни один посвист птахи. Вдруг лесник остановился, прислушался.

— Кабаны идут в нашу сторону, — спокойно проговорил он.

— Может быть, повернем назад? — нерешительно предложил я.

— Это зачем же? — удивился лесник. — Подождем, поглядим на них. Вам, как натуралисту, это будет не лишне.

Только тут я обратил внимание, что Илья Петрович вышел без ружья.

«М-да, — подумал я про себя, — как бы чего не вышло...»

Вскоре послышался треск, шуршание, повизгивание, хрюканье, и на полянке показались кабаны. Первые, большие свиньи остановились. За кустарниками угадывались другие животные. Потом и они начали выходить на полянку. Приподняв длинные рыла кверху, кабаны принялись принохиваться. Видимо, кабан-дедушка хрюкнул: «Опасности нет. Можно заниматься делом!»

На поляну вышел весь гурт. Показались поросята: пестрые с буроватыми продольными полосами. Некоторые из них резво подпрыгивали, заигрывали друг с другом. Кабан-дедушка принялся с увлечением копать рылом травянистую землю. Почти все свиньи последовали его примеру. Вскоре вся поляна оказалась безжалостно изрытой. Свиньи, как говорится, в поте лица своего добывали корм: корешки, червей, личинок, насекомых. Не пропускали зазевавшихся ящериц, змей. С аппетитом съедали гнездо с яйцами или с птенцами наземных птиц.

— А теперь, поглядите, как они будут уходить от нас, — тихо шепнул мне лесник.

— Сами? — так же тихо переспросил его я.

— Нет, я их прогоню, — громче произнес Илья Петрович. И тут же он вырезал длинную хворостину и вошел в стадо.

— Пошли, пошли прочь!

Но стадо не торопилось. Весь гурт замер в каком-то недобром выжидании. Вожак-кабан пригнул морду к земле и принялся подозрительно сопеть, чавкать. Глазки его налились кровью. Я невольно отошел назад. Лесник тоже поторопился отойти.

— Сказано свиньи — ничего не понимают.

Лесник, конечно, ошибался, кабаны великолепно оценили свое и наше положение: их много, нас двое и без оружия.

Молча мы направились к тиссам. Свиньи продолжали стоять на месте. Вожак угрожающе ухал.

— А почему они не бросились на нас? — задал я вопрос леснику.

— Посчитались с тем, что я им все же не чужой. Не раз приходилось встречаться. Можно сказать, знакомые.

После паузы он добавил:

— Я заметил, что чем чаще дикие

кабаны встречаются с людьми, которые им не угрожают, тем они становятся более общительными, безопасными.

— Вы полагаете, что они могли бы приручиться?

— Да! — оживился Илья Петрович. — И попросил меня изловить дикого поросенка. Я выполнил просьбу. И что же? Поросенок вырос, превратился в большого клыкатого кабана и так привязался к своему хозяину, что ходил за ним, точно собака. Даже на ласку напрашивался.

Вот тебе и дикий кабан!

Цветы для подруги

Обычно скворцы поселяются в скворечниках, но бывает так, что эти птицы занимают под гнезда дупла деревьев, трещины скал, развилки ветвей.

Мне удалось увидеть гнездо скворцов в дупле старого ясеня. Пользуясь отсутствием птиц, я хорошенько разглядел их квартиру. Почти все дупло было завалено соломинками, тряпочками, шерстью, обрывками тонких веревочек. Часть этих «строительных» материалов скворцы собрали на лесных полянах, другую часть принесли из города. Вначале весь этот хлам был свален в кучу. Потом самка разгребла его, образовала ямку и отложила туда шесть яиц.

Началось самое тяжелое время — насиживание яиц. Сутками сидит скворчиха в гнезде. Вылетает только поразмяться, да и то не надолго. Вот тут-то я и заметил необычайно заботливое, можно сказать, даже нежное отношение к

ней скворца.

Он часто приносил гусениц, червей, жуков, но это было не все. Время от времени скворец срывал клювом на поляне... цветы — фиалки, гиацинты, ветренницы, барвинки. Их он приносил «домой», заботливо укладывал у входа в дупло, так, чтобы скворчиха их видела, ощущала запахи. Уложив цветы перед подружкой, скворец произносил короткий, но многозначный звук. Скворчиха ему тотчас же отвечала. Походило на такой диалог:

— Хороши цветы?

— Очень!

— Тебе хорошо?

— Да!

Счастливый супруг усаживался на ближайшую ветку у дупла и принимался насвистывать, напевать, выщелкивать, даже гоготать по-гусиному.

Я подолгу наблюдал за пернатыми супругами, и мне было очень хорошо.

Музыкальный медведь

Эту небольшую, но занятную историю напомнило мне стихотворение, прочитанное в детской книжке:

Скрипит высокая сосна
И, молнией расколота,

Весной на землю льет она
Смолы живое золото.

И каждый вечер по весне
Своей тропинкой узенькой
Идет к расколоте сосне

Медведь — любитель музыки.

Лесное дерево поет...
Дивясь такому случаю,
Медведь раскачивать начнет
Плечом сосну певучую...

Однажды я встретился с лесником Гаврилой Васильевичем. Уселись на траву, разговорились. Спросил я старого лесника:

— Водились ли медведи в нашем лесу?

— Как же, водились...

Гаврила Васильевич помолчал, вспоминая.

— Еще при жизни моего отца в лесу проживал медведь с медведицей. Он всячески оберегал их от браконьеров, да не уберег.

— Что же с ними произошло?

— Медведицу убили в берлоге, когда у нее были малыши величиной с рукавичку, а медведь проживал и при мне. Оставшись бобылем, он сделался бродягой, но вреда никому не причинял. Баб, ребятишек в лесу не трогал. Бывало, пожалует ко мне на караулку. Есть просит.

— Да, хороший, понятливый: зверь был, — продолжал Гаврила Васильевич. — Росла на пригорке одинокая груша. Гроза расколола ее вершину, и она при ветре стала поскрипывать. Мне этот скрип был ни к чему, а медведь часами слушал, как скрипит дерево. И как слушал! Облапит грушу, приложит к ней ухо, слушает и урчит. Пришло мне на мысль баловать Мишку настоящей музыкой. В молодости я играл на гармошке. Прихватил я гармонь, спрятался в кустарнике вблизи груши. Пришел медведь, облапил грушу, а я тем временем давай тихо наигрывать что-то вроде вальса. Гляжу, Мишка оставил грушу в покое, наострил уши в мою сторону. Послушал немного, потом уселся на траву, закрыл глаза и принялся покачиваться в ритм музыки.

Пытался я играть медведю плясовые мотивы, частушки. Эта музыка его мало занимала, а вот грустные песни,

задушевные, Мишке нравились.

Да, вот иногда говорят — груб и туп, как животное. Не всегда верно это.